

ПРИРОДА И КОСМИЗМ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности воззрений Ф. М. Достоевского на природную среду жизни человека, ее обусловленность земными и космическими факторами. Обнаруживается религиозное содержание его космизма, которое в наибольшей мере проявляется при обосновании сущности всемирности жизни человека и человечества, роли русского православия в ее осуществлении. Подчеркивается влияние космических идей писателя на становление научной концепции космизма В. И. Вернадского, вскрывается общее и особенное в их космических воззрениях. Отмечается важность воздействия положений Ф. М. Достоевского на формирование у человека этического и эстетического отношения к природе. Делается вывод о причастности Ф. М. Достоевского к литературно-художественной и религиозно-философской ветвям русского космизма.

Ключевые слова: природа; биосфера; Вселенная; Бог; православная Русь; народ-богоносец; всемирность жизни; космическая выраженность жизни; космизм; русский космизм; этика.

NATURE AND COSMISM IN THE CREATIVE HERITAGE OF F. M. DOSTOEVSKY (TO THE 200th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The features of F. M. Dostoevsky views on the natural environment of human life, its conditioning by earthly and cosmic factors are revealed. The religious content of his cosmism is revealed, which, to the greatest extent, is manifested in the substantiation of the essence of the universality of human and human life, the role of Russian Orthodoxy in its implementation. The influence of the writer's cosmic ideas on the formation of the scientific concept of cosmism by V. I. Vernadsky is emphasised, the general and special in their cosmic views are revealed. The importance of F. M. Dostoevsky's provisions on the formation of an ethical and aesthetic attitude to nature and its preservation is noted. The conclusion is drawn about his involvement in the literary-artistic and religious-philosophical branches of Russian cosmism.

Keywords: nature; biosphere; Universe; God; Russian Orthodoxy; God-bearing people; universality of life; cosmic manifestation of life; cosmism; Russian cosmism; ethics.

В настоящее время происходит включение новых творцов в число исследований содержания и сущности русского космизма. Данная тенденция характерна для работ Б. М. Владимирского, В. Н. Демина,

С. И. Шлёкина. Так, В. Н. Демин к русским космистам относит Ф. М. Достоевского (1821–1881). Какие же идеи этого именитого русского писателя В. Н. Демин считает соответствующими духу русского космизма?

Образец цитирования:

Карак ПС. Природа и космизм в творческом наследии Ф. М. Достоевского (к 200-летию со дня рождения). Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;2:53–61.

For citation:

Karako PS. Nature and cosmism in the creative heritage of F. M. Dostoevsky (to the 200th anniversary of his birth). Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2021;2:53–61. Russian.

Автор:

Пётр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

Первой из них называется утверждение писателя о «всемирно-вселенском предназначении русского народа». Следующая идея – это присущая Ф. М. Достоевскому «космизация нравственных начал, превращение мира в вечную арену борьбы добра и зла как вселенской битвы Бога и Дьявола, Христа и Антихриста, преломленной через сердца и души живых людей» [1, с. 83]. Отмеченные положения подтверждаются соответствующими ссылками на тексты некоторых трудов Ф. М. Достоевского, не имеющих отношения к русскому космизму.

В. Н. Демин не указывает на те положения Ф. М. Достоевского, которые касаются его понимания состояния природной среды, окружающей человека, зависимости его бытия (особенно психологического состояния) от этой среды, ряда космических факторов и т. д. Все это является предметом постижения и соответствующего выражения в трудах представителей русского космизма, в том числе и Ф. М. Достоевского. Отмеченные стороны русского космизма не получили своего освещения в работе В. Н. Демина. Пониманию своеобразия их выражения в трудах Ф. М. Достоевского могут способствовать некоторые положения ведущего представителя русского космизма – В. И. Вернадского (1863–1945).

Так, в дневниковой записи от 24 марта 1918 г. он пишет о своем увлечении художественными произведениями русского писателя и тем новым миром, который предстает перед ним при их постижении: «Чтение Достоевского открывает передо мною много нового – нового мне великого писателя-гуманиста» [2, с. 62]. Здесь же В. И. Вернадский подчеркивает и тот факт, что еще будучи гимназистом, он прочитал «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот» и другие произведения Ф. М. Достоевского, а в настоящее время читает романы «Бедные люди», «Белые ночи» и др. В дневниковой записи от 28 марта 1918 г. В. И. Вернадский снова пи-

шет: «Читаю с глубоким интересом Достоевского. Открывается передо мною как бы новый мир» [2, с. 63].

Интерес академика В. И. Вернадского к творчеству Ф. М. Достоевского произошел в период работы ученого над проблемой живого вещества (совокупность всех форм живого в биосфере Земли). В выше-названных дневниковых записях В. И. Вернадский подчеркивал, что все его внимание сосредоточено на живом веществе: «Всего как-то захватила работа над живым веществом, которую я обдумываю, пере-думываю и перерабатываю, и мысль об окружающем. Но писать могу только о живом веществе...» [2, с. 63]. Действительно, с 1916 по 1922 г. он писал о живом веществе и проводил исследования, результаты которых были обобщены в сочинении «Живое вещество», опубликованном только в 1978 г. В нем ученый указывал на то, что идеи о природе, изложенные в «религиозных, поэтических, монотеистических» трудах охватывают и научные представления о Вселенной [3, с. 313]. В силу этого представители естествознания не должны пренебрегать и такого рода произведениями, особенно трудами, которые написаны классиками художественной литературы. Одним из них и является Ф. М. Достоевский. Имело ли место в его трудах то, что проникало и охватывало воззрения В. И. Вернадского на природу? Какой же новый мир открывался ему при постижении произведений русского писателя и мыслителя? Каким видел этот мир и сам писатель? И, наконец, правомерно ли считать Ф. М. Достоевского представителем русского космизма?

Перечисленные вопросы определили внимание автора настоящей статьи к творческому наследию Ф. М. Достоевского. При этом первостепенное значение будет иметь выявление места и роли космических факторов в природе Земли, особенностей восприятия их самим писателем и героями его литературных произведений.

Земные и космические факторы в окружающей человека природе

Интерес В. И. Вернадского к трудам религиозного писателя Ф. М. Достоевского объясняется характером постижения и образно-художественным выражением им природы Земли, места в ней космических факторов в разные сезоны года, ее влиянием на физическое и духовное состояние человека, его отношение к окружающей природе и т. д. Уже в одном из первых произведений Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846), представляющим собой переписку Макара Деушкина и Варвары Доброселовой, фиксируется наблюдательность героев (авторов писем) за явлениями природы, чувство своей зависимости от ее состояния, умение выражать все это особым, образным языком. Так, в первом письме Макар сообщает Варваре о том, что «встал он сегодня таким ясным соколом – любо-весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили окошко;

солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там все было тоже соответственное; все в порядке, по-весеннему». Далее Макар сравнивает Вареньку «с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной». По его убеждению, и все люди должны «завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц» [4, с. 14].

Небезразлично к природе относилась и Варвара. В ее памяти остались впечатления, полученные в детстве от восприятия ранней осени. Она писала Макару: «Я помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, было озеро. Это озеро, – я как будто вижу его теперь, – это озеро было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь! Бывало, если вечер тих, – озеро покойно; на деревьях, что на берегу росли, не шелхнет, вода неподвижна, словно зеркало. Свежо!

холодно! Падает роса на траву...». Далее картина озера дополняется образами космоса. Для Варвары в эти осенние вечера небо было «такое холодное, синее и по краям разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все бледнее и бледнее становятся; выходит месяц; воздух такой звонкий, порхнет ли испуганная птичка, камыш ли зазвенит от легонького ветерка, или рыба всплеснется в воде, – все, бывало, слышно. По синей воде встает белый пар, тонкий, прозрачный...» [4, с. 83]. От всего увиденного ей было «чудно хорошо».

В этом же письме Варвара сообщает своему приятелю и о своем отношении к природе в позднюю осень. Оказывается, что в это время года «все становится мрачнее, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краям обнаженного леса, а лес синее, чернеет, – особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения...» [4, с. 83–84].

Определенные картины природы представлены и во многих других письмах Макара и Варвары друг другу. В одном из писем Макара подчеркивается, что выздоровление Варвары от простуды было обусловлено приходом весны, и девушке за это следует «воздать благодарение небу» [4, с. 25].

Среди многих творений Ф. М. Достоевского особый интерес у В. И. Вернадского вызвал сентиментальный роман «Белые ночи» (1848). Чем же это произведение привлекло внимание мыслителя? Видимо, описанием Ф. М. Достоевским сочетания космического и земного в природе Петербурга в ночное время, восприятия и переживания ее красоты главным героем. Уже первые строки романа начинаются с констатации красоты ночи: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?» [5, с. 102]. Ответ на поставленный вопрос герой романа советует поискать его «любезным читателям».

Под таким ночным небом проходили свидания героя романа «Белые ночи» с девушкой Настенькой. Во время одного из свиданий он рекомендует Настеньке обратить свой взор на небо: «Посмотрите на небо, Настенька, Посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает ее, смотрите, смотрите!.. Нет, оно прошло мимо. Смотрите же. Смотрите!..» [5, с. 139]. Однако Настенька не была расположена к восприятию картины ночного неба.

Особенно волнующим и впечатлительным было воздействие на героя романа весны, которая пришла в его город: «Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с насту-

плением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами...». Именно под воздействием сил неба происходит наступление весны и возрождение красоты земной природы. В романе подчеркивается, что благоухающая природа позитивно влияет на людей. Герой видел, что у «чахлой и хворой» девушки при соприкосновении с такой природой проявляется «жизнь и красота даже на ее лице» [5, с. 105]. Космические силы оказываются причастными и к смене сезонов года на земле, красоте ее природы и улучшению здоровья людей.

В романе «Идиот» (1868) писатель показывает людей, которые в силу своих болезненных состояний не могут воспринимать природу и ее величие. Все это вызывает у них мучительные переживания. Так, главный герой романа князь Мышкин во время прогулки по павловскому парку Петербурга вспомнил одно из событий своей жизни: «Это было в Швейцарии, в первый год его лечения, даже в первые месяцы. Тогда он еще был совсем как идиот, даже говорить не умел хорошо, понимать иногда не мог, чего от него требуют». Но вот однажды он «зашел в горы, в ясный, солнечный день, и долго ходил с одною мучительною, но никак не воплощавшеюся мыслию. Пред ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет. Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой» [6, с. 351].

Еще более выразительно свое отчуждение от природы выражал другой герой вышеназванного романа – Ипполит. В период обострения своей болезни (чахотка. – П. К.) он говорил окружающим его людям: «Для чего мне ваша природа, ваш павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня считал за лишнего? Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всем этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш, и только по малодушию моему до сих пор не хотел понять это!» [6, с. 343].

Следует подчеркнуть, что, когда Ипполит был здоров, он замечал красоту природы и отмечал огромную роль Солнца в ее порождении. В одной из дискуссий со своими товарищами он говорил: «Как только солнце покажется и “зазвучит” на небе (кто это сказал в стихах: “на небе солнце зазвучало”? бессмысленно, но хорошо!)... Солнце ведь источник жизни?» [6, с. 309].

Белорусский поэт Якуб Колас (1882–1956) в стихотворении «Усход сонца» (1908) красочно описывает

восход солнца и вызванные им процессы, происходящие в природе: *На усходзе неба грае // Пераліўным блескам, // Сыпле золата над гаем // І над пералескам*. Как только появляются первые красные лучи солнца, то сразу же «гаснуць, нікнуць зоркі», меняется состояние и выражение всего неба. Оно начинает «усміхацца людзям і прыродзе». Исчезает сонливость и уходит мрак с лесов и лугов. В этот час «лес туманом заснаваўся», а луг «расой абмыўся». В природе устанавливается спокойствие и красота. Все это вызывает эмоциональные и эстетические чувства у поэта: *Эх, як слаўна, як прыгожа // Хораша, прыстойна!* [7, с. 82–83].

С 1868 г. русский ботаник-космист К. А. Тимирязев (1843–1920) начал изучать солнце как источник жизни на земле. Результаты своего исследования он выразил в работе «Космическая роль растений» (1903), которая стала теоретической основой космических воззрений Н. А. Умова, В. И. Вернадского, Н. Г. Холодного и последующих представителей естественно-научной ветви в русском космизме. В. И. Вернадский с полной уверенностью писал: «Из того, что мы наблюдаем на Земле, для нас ясно, что жизнь не могла бы развиваться только на Земле, без влияния Солнца, без влияния света» [3, с. 311]. Далее он обращал внимание на важность исследования влияния и других космических факторов на бытие всего живого на нашей планете. В образной форме сочетание земного и космического в природной среде обитания человека фиксировалось практически во всех литературных произведениях Ф. М. Достоевского.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод об ошибочности утверждения известного русского писателя К. Г. Паустовского (1892–1968) о том, что в произведениях Ф. М. Достоевского отсутствуют описания природы. В труде «Книга скитаний» (1963) он указывал на то, что Ф. М. Достоевский «нарочито ставил людей в мучительные положения, придуманные в тиши сумрачного и темного кабинета. О событиях этих он писал с газетной обнаженностью. Природы в его романах почти совсем нет» [8, с. 531]. Видимо, В. Н. Демин, также разделяя данное суждение К. Г. Паустовского, не обратил внимание на многочисленные картины природы и отношение к ней человека, представленные в произведениях Ф. М. Достоевского.

Его литературные герои в тиши не только кабинетов, но и монастырской кельи говорят о своем восприятии и восхищении природой, ее объектами. Последнее демонстрирует старец Зосимы (роман «Братья Карамазовы», 1879–1880). Незадолго до ухода из жизни он говорил священнослужителям и монахам о своей любви к природе. В его памяти сохранились картины природы, которые он видел в ранние годы жизни. Так, когда ему однажды пришлось заночевать на берегу судоходной реки, то он

не мог уснуть из-за представшего перед ним пейзажа: «Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, все тихо, благолепно, все богу молится» [9, с. 267].

Умилялся природой и находившийся рядом с ним другой юноша. Он поведал будущему старцу, что «лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того, как в лесу, ничего я, говорил, не знаю, да и все хорошо» [9, с. 267]. Хорошо говорил о природе, ее красоте и рано умерший брат старца Маркел.

Свое видение природы и отношение к ней выражали не только герои произведений Ф. М. Достоевского, но и сам писатель. В автобиографическом труде «Записки из мертвого дома» (1860–1862) можно найти примеры восприятия природы автором в период его пребывания на каторге в Сибири. Условия каторжной жизни определяли и его отношение к природе в разные поры года. Например, «зимой, особенно в сумрачный день, смотреть на реку и на противоположный далекий берег было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце было в этом диком и пустынном пейзаже. Но чуть ли еще не тяжелей было, когда на бесконечной белой пелене снега ярко сияло солнце; так бы и улетел куда-нибудь в эту степь, которая начиналась на другом берегу и расстилалась к югу одной непрерывной скатертью тысячи на полторы верст» [10, с. 80].

Каторжная жизнь влияла и на то, как арестованные воспринимали природу весной: «Наступающие красные дни волнуют и закованного человека, рождают и в нем какие-то желания, стремления, тоску. Кажется, еще сильнее грустишь о свободе под ярким солнечным лучом, чем в ненастный зимний или осенний день, и это заметно на всех арестантах» [10, с. 173]. Такого рода помыслы зарождались и у арестанта Ф. М. Достоевского при наступлении весны. Он писал, что «помнит, как с жадностью смотрел иногда сквозь щели паль и подолгу стоял, бывало, прислонившись головой к нашему забору, упорно и ненасытимо всматриваясь, как зеленеет трава на нашем крепостном вале, как все гуще и гуще сияет далекое небо. Беспокойство и тоска его росла с каждым днем, и острог становился ему все более и более ненавистным» [10, с. 174].

В отмеченных и многих других примерах описания Ф. М. Достоевским природы Земли и отношения к ней человека весьма четко проводится мысль о том, что состояние природы определяется влиянием космических факторов: Солнца, Луны, звезд и т. д. Литературные герои писателя, в частности старец Зосимы, в своих суждениях о природе указывали на то, что истинное знание о ней может достигаться только с учетом влияния важнейших объектов и явлений космоса на нашу планету.

«Тайна земная соприкасается со звездною»

Конкретно свою позицию старец Зосимы выразил в следующих суждениях: «На земле же воистину мы как бы блуждаем... Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным...» [9, с. 290]. Далее он говорил о том, что если это чувство связи с иным и таинственным миром ослабевает или прекращается, особенно у человека, то умирает и все «возвращенное в нем». Что же старец подразумевал под иным и таинственным миром?

Ответ на поставленный вопрос Ф. М. Достоевский дает через описание чувств Алеши Карамазова, который слушал и даже конспектировал речь старца Зосимы. Алеша, выйдя из монастыря после отпевания своего усопшего духовника, увидел следующую картину: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною...» [9, с. 328].

Ощущение соприкосновения земного и небесного так подействовало на Алешу, что он не устоял на ногах и повергся на землю. У него возникли новые чувства и эмоции: «Он не знал, для чего обнимал ее (землю. – П. К.), он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. <...> ...Он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны... Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и навеки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга» [9, с. 328].

Алеша Карамазов от общения с землей и объектами космоса, особого переживания своей связи с ними стал последовательным «бойцом» только в борьбе за «дело Господне». Религиозное сознание

героя было подкреплено осознанием соприкосновения земного и космического.

Другие литературные персонажи Ф. М. Достоевского с таким соприкосновением связывали и становление новой жизни человека и человечества. Так, в доме генерала Епанчина князь Мышкин рассказывал его дочерям Аглае и Аделаиде о его видении и переживании следующих явлений: «Когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет все куда-то, и мне все казалось, что если пойти все прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней, чем у нас; такой большой город мне все мечтался, как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь...» [6, с. 50 – 51].

За линией встречи неба и земли Ивану Карамазову виделась созидаящая «вся вселенная или, еще обширнее – все бытие» [9, с. 214]. Здесь следует отметить, что термин «космос» автор настоящей статьи не обнаружил в произведениях Ф. М. Достоевского. Его литературные герои используют слово «вселенная», которое для них обозначает то помещение, вместилище, куда «вселяется» все земное, да и человечество, в небесное. С момента начала такого вселения на земле прекращается все хаотическое и беспорядочное, и происходит утверждение «небесной гармонии и порядка». Иван говорил о том, что именно «в момент вечной гармонии случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми...» [9, с. 215].

Все отмеченное Иван излагал своему брату Алеше и при этом говорил о том, что он верует «в порядок, в смысл жизни... в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся... в Слово, к которому стремится вселенная и которое само “бе к богу” и которое есть само бог, ну и прочее и прочее...» [9, с. 214].

Каким образом будет происходить процесс единения человечества (самого по себе и его с небом) и кто будет управлять его «бе к богу»? Данные вопросы были предметом обсуждения не только литературных героев Ф. М. Достоевского, но его самого. Чтобы ответить на поставленные вопросы, следует выяснить смысл понятия «всемирность жизни», которое было одним из значимых в трудах писателя.

**Ф. М. Достоевский и В. И. Вернадский:
общее и особенное в трактовке понятия «всемирность жизни»**

В самой общей форме понятие «всемирность жизни» получило свое выражение в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор». В ней подчеркивается, что «всегда человечество в целом своим стремилось устроиться непременно всемирно». Даже «великие завоеватели, Тимур и Чингис-ханы... стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению». По убеждению Ивана Карамазова, когда такое единение людей осуществится, вот тогда и наступит для них «царство покоя и счастья». Они перестанут «бунтовать и истреблять друг друга». Более того, «они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [9, с. 235]. Однако о том, кто такие «мы» (которые будут осуществлять единение людей и управлять ими) в поэме Ивана Карамазова не сказано.

Конкретный ответ на поставленный вопрос дает князь Мышкин. В гостинице дачи Епанчиных он говорил: «Откройте русскому человеку русский Свет... Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше!» [6, с. 453].

Все присутствующие были удивлены «выходкой» князя, не находили мотивов его поступка. Князь Мышкин от всего сказанного им испытывал «вместо ужаса – свет и радость, восторг» [6, с. 454]. Он долго не мог понять и той суматохи, которая стала «кипеть вокруг него». Его слушатели не могли принять такого рода заявлений (да и нынешние русские люди будут в «ужасе», когда кто-то из них скажет нечто подобное).

Иную точку зрения о всемирности жизни высказал Шатов – герой романа «Бесы» (1871–1872). В дискуссии со Ставригиным он говорил, что «истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже с первостепенной, а непременно и исключительно с первой». Только такой «великий» народ может иметь и «бога истинного». По его убеждению, «единый народ-богоносец – это русский народ» [11, с. 200]. Именно он и призван «воскресить и спасти» другие народы и обеспечить их единение в целостное человечество.

Необходимость единения людей и роль русского народа в его осуществлении обстоятельно обосновывал также старец Зосимы. В речи перед насель-

никами монастыря им выражалось беспокойство в связи с тем, что в «мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...». По его заключению, происходящий процесс «уединения» людей приводит к тому, что «вещей накапливается больше, а радости становится все меньше». При этом подчеркивалось и то, что «уединение» в наибольшей мере происходит «не у нас, а у них». Первой была для него «становящаяся единая православная Русь». Единство ее народа он связывал с тем, что «сей народ – богоносец» [9, с. 285].

Кроме того, старец Зосимы указывал на то, что решающую роль в осуществлении «единения» русского народа и его «спасения» от начавшегося «расчленения» (жестокость, пьянства, возрастания числа всякого рода «миродов» и т. д.) будет играть Бог. Именно «спасет Бог Россию», говорил он. Однако старец не преуменьшал значимость деятельности людей в решении поставленных задач: «Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и с лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет» [9, с. 286]. Что можно сказать по поводу суждения старца? Только то, что и нынешний русский «богач» не «устыживается» от размеров своего «богатства» и не спешит поделиться какой-то его частью со своими бедными согражданами.

В речи старца Зосимы подведены итоги размышлений литературных героев Ф. М. Достоевского по вопросу всемирности жизни. А какое решение данного вопроса предлагалось самим писателем?

В труде «Дневник писателя. 1877 сентябрь – декабрь. 1880 август» Ф. М. Достоевский подчеркивал, что все рассуждения о единении народов мира, их гражданском устройстве должны опираться на нравственные основания, исходить из них. Ведь «при начале всякого народа, всякой национальности идея нравственности всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связано с другими мирами и с вечностью» [12, с. 165]. Эти убеждения формулировались в религии (особенно в русском православии) и стали достоянием русского народа. Именно он является носителем «Христа, на него одного и надеется» [12, с. 170].

Отмеченная особенность русских предопределяет их место и роль в мировом процессе. По Достоевскому, «наш удел и есть всемирность и не

мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей...» [12, с. 147]. Данное предназначение народов России, по убеждению писателя, в наибольшей мере выражал А. С. Пушкин. В своем художественном творчестве он «неоспоримо проявил эту всемирность стремления русского духа». Далее Ф. М. Достоевский писал, что если бы А. С. Пушкин «жил дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям...» [12, с. 148].

Все вышеотмеченные положения, высказанные Ф. М. Достоевским и его литературными героями, были известны В. И. Вернадскому. В дневниковой записи от 1 апреля 1918 г. он писал: «Читал Достоевского. Все его мировоззрение связано с верой в *православный русский народ*» [2, с. 67]. Однако как убежденный материалист, он не мог их разделять. Он воспринял только идею космизма, которая содержалась в трудах именитого писателя-космиста. Эта идея, как и религиозно-философские воззрения Н. Н. Федорова и В. С. Соловьева, естественно-научный космизм биолога К. А. Тимирязева и физика Н. А. Умова, «космическая поэзия» В. Я. Брюсова и А. А. Блока были теоретическими предпосылками подлинно научной концепции космизма В. И. Вернадского. Он писал, что живое вещество земли «не может быть только земным явлением», да и биосфера «не есть принадлежность только одной нашей планете» [3, с. 37]. По его убеждению, она имеет космическую выраженность.

Свои рассуждения о космичности жизни В. И. Вернадский завершает принципиально важным выводом: «Научные представления о жизни как космическом явлении начинают все больше находить себе подтверждение в новых научных фактах, благоприятствующих признанию всемирности жизни» [3, с. 310]. Такого рода факты обстоятельно обобщены В. И. Вернадским в книге «Биосфера» (1926). В ней языком науки, поэзии и музыки раскрывается место

Земли в космическом пространстве, роль космических факторов в зарождении и существовании живого вещества в биосфере. Оно является «созданием внешних сил Космоса» [13, с. 10]. В последующих работах этого ученого-космиста, особенно в «книге жизни» – в труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) – приводятся конкретные космические факторы (световая энергия Солнца, космическая пыль, энергия рассеянных элементов и т. д.), от которых зависит бытие всего живого на нашей планете, в том числе и человечества.

Для В. И. Вернадского биосфера есть космическая оболочка Земли, а потому и все ее компоненты, включая живое вещество и человека, имеют не только земную, но и космическую выраженность. Он резко критиковал представителей гуманитарных наук (да и биологии), которые сознательно не считаются с выводами о зависимости человека и всего человечества от биосферы. «Человечество, как живое вещество, – писал В. И. Вернадский, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [14, с. 339]. Оно, по убеждению космиста, совместно с биосферой будет эволюционировать в новое состояние – ноосферу.

В. И. Вернадский, восприняв идею Ф. М. Достоевского о всемирности жизни, обосновал научное положение о космической выраженности особой оболочки Земли – биосферы – и ее эволюции в ноосферу. Его учение о переходе биосферы в ноосферу – вершина естественно-научного и философского творчества космиста. Более подробно его космизм освещается в других работах автора настоящей статьи.

В наибольшей мере В. И. Вернадский разделял выводы Ф. М. Достоевского о характере практического отношения человека к природе, необходимости ее сохранения для будущих поколений людей. В чем конкретно выражались воззрения писателя по данной проблеме?

Человек обязан жить и действовать по законам природы

Следует отметить, что вопросы отношения человека к природе, поднимавшиеся и обсуждавшиеся всеми представителями русского космизма, являются одними из важнейших. Они были в центре внимания и Ф. М. Достоевского. Так, литературный герой «Записок из подполья» (1864) указывал на то, что «на свете есть законы природы» и человек должен жить и все делать согласно им. Вот тогда и «жить ему будет чрезвычайно легко» [15, с. 112]. Персонажи романа «Подросток» (1875) при обсуждении проблемы будущего России пришли к выводу о том, что жить надо «по закону природы и правды» [16, с. 46]. Жизнь же «вне этой мысли» им видится невозможной.

Однако реальность бытия свидетельствовала о том, что русский человек не стремился жить «по

законам природы», да он их и не знал. Он хищнически относился к природе и ее ресурсам. О последствиях такого отношения говорили многие литературные персонажи произведений Ф. М. Достоевского. Например, Крафт (герой этого романа) обращался к собеседникам со словами: «Нынче безлесья Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево – все засмеются: “Разве ты до него доживешь?” С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» [15, с. 54].

О последствиях такого образа жизни русского человека Иван Карамазов говорил брату Алешке: «Русская земля крепка березой. Истребят леса – пропадет земля русская» [9, с. 122]. В наши дни многие территории земли русской превращены уже не в степь, а в пустыню. Не прекращается и истребление лесов. Обо всем этом почти через 100 лет с горечью писал классик русской литературы Л. М. Леонов (1899–1994) в романе «Русский лес» (1953) и многих публицистических статьях. С состоянием лесов он связывал судьбу России, ее природы и населения. Подробно его мысли по обсуждаемой здесь проблеме раскрывались в специальной работе автора настоящей статьи [17].

К происходившему в России техническому прогрессу не скрывали своего негативного отношения герои Ф. М. Достоевского. Они отмечали его пагубное воздействие на состояние природной среды и здоровье человека. Так, Петр Степанович (роман «Бесы», 1870–1872) говорил своему собеседнику Николаю Всеволодовичу об «интересной фабрике Шпигулиных». Оказывается, на ней трудится пятьсот рабочих, а сама фабрика является «рассадником холеры», так как здесь «не чистят пятнадцать лет и фабричных усчитывают; купцы-миллионеры» [11, с. 180].

Можно приводить и дальше примеры описания негативных воздействий человека на природу в трудах Ф. М. Достоевского, однако ограничимся отмеченными. В них значимое место занимали вопросы нравственного отношения человека к живым ресурсам природы, особенно животным. Шокирующим примером жестокого обращения с животными может быть описание убийства лошади ее хозяином (роман «Преступление и наказание», 1866), которое виделось Родиону Раскольникову, правда, во сне. Воспроизводить это убийство не представляется возможным. Более приятным являются суждения старца Зосимы, которые он изложил своим слушателям: «Любите все создания божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день» [9, с. 289]. Осуществляя все это, человек сможет «полюбить наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью». У старца Зосимы нравственное отношение к отдельным объ-

ектам природы поднимается и распространяется на весь космос. Его мораль имеет воистину космическую выраженность.

Поборником нравственного отношения человека к животному миру был и сам Ф. М. Достоевский. Он являлся членом Российского Общества покровительства животным. В книге автора настоящей статьи «Природа и нравственность» раскрывается содержание моральных норм Ф. М. Достоевского, касающихся отношения человека к животным, а также их влияние на мировоззрение последующих русских и советских писателей, освещавших данную проблему (А. П. Чехов, Д. Л. Андреев и т. д.) [18, с. 117–122]. Эти нормы и в настоящее время не потеряли своей актуальности. Они получают свое дальнейшее обоснование и развитие в особой области знания и учебной дисциплине – *экологическая этика*. Ее содержание описывается в вышеназванном труде автора данной статьи и других его работах.

Осуществленный в представленной работе анализ произведений именитого русского писателя Ф. М. Достоевского позволяет сделать вывод о его очевидной причастности к русскому космизму. В картинах природы, которые приводятся практически во всех литературных произведениях писателя, нераздельно слиты земное и космическое, которые предстают неповторимыми и красочными явлениями. С ними неразрывно связан человек и все человечество. Именно понимание и литературное выражение «соприкосновения» земного и космического в окружающей человека природе, его включенность в целостное бытие есть конкретное содержание космизма писателя. Стороной космизма Ф. М. Достоевского следует считать формирование у человека эстетического и этического отношения к природе – жить и действовать «по законам природы» и т. д. Все эти положения писатель выражал языком художественной литературы и религии, поскольку он был истинным православным русским человеком. Его по праву следует считать и одним из первых представителей литературно-художественной и религиозно-философской ветвей русского космизма. Хотя им и не была обоснована целостная концепция космизма, но его идеи были одной из предпосылок становления и развития научной концепции космизма, обоснованной естествоиспытателем В. И. Вернадским. Ф. М. Достоевский – достойный представитель того течения русской мысли, которая в наши дни получила название *русский космизм*.

Библиографические ссылки

1. Демин ВН. *Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Часть 1. Русский космос*. Москва: ЛЕНАНД; 2014. 200 с.
2. Вернадский ВИ. *Дневники: 1917–1921*. Сорокина МЮ, Киржаев СН, Мемелов АВ, Неаполитанская ВС, составители; Сытник КМ, Левшин БВ, редакторы. Киев: Навукова думка; 1994. 271 с.
3. Вернадский ВИ. *Живое вещество*. Неаполитанская ВС, Филиппова НВ, составители. Москва: Наука; 1978. 358 с.
4. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 1. Бедные люди. Повести и рассказы, 1846–1847*. Фридлендер ГМ, редактор. Ленинград: Наука; 1972. 519 с.

5. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы, 1848–1859*. Ленинград: Наука; 1972. 527 с.
6. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 8. Идиот*. Голованова ТП, Фридлендер ГМ, редакторы. Ленинград: Наука; 1973. 511 с.
7. Колас Я. *Збор твораў. Том 1. Вершы 1898–1917*. Барысенка В, Крапіва К, Міцкевіч Д, рэдактары. Мінск: Мастацкая літаратура; 1972. 562 с.
8. Паустовский КГ. *Собрание сочинений. Том 5. Повесть о жизни: книги четвертая – шестая*. Москва: Художественная литература; 1986. 591 с.
9. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 14. Братья Карамазовы. Книги I–X*. Кийко ЕИ, Фридлендер ГМ, редакторы. Ленинград: Наука; 1976. 511 с.
10. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 4. Записки мертвого дома*. Прийма ФЯ, редактор. Ленинград: Наука; 1972. 326 с.
11. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 10. Бесы*. Базанов ВГ, Голованова ТП, редакторы. Ленинград: Наука; 1974. 517 с.
12. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 26. Дневник писателя. 1877 сентябрь – декабрь. 1880 август*. Буданова НФ, редактор. Ленинград: Наука; 1984. 518 с.
13. Вернадский ВИ. *Биосфера и ноосфера*. Соколов БС, Ярошевский АА, редакторы. Москва: Наука; 1989. 261 с.
14. Вернадский ВИ. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. Яншина ФТ, Жидовинов СН, редакторы. Москва: Наука; 2001. 376 с.
15. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 5. Повести и рассказы 1862–1866. Игрок*. Покусаев ЕИ, редактор. Ленинград: Наука; 1973. 407 с.
16. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 13. Подросток*. Кийко ЕИ, редактор. Ленинград: Наука; 1975. 456 с.
17. Карак ПС. «Философия леса» в творчестве Л. М. Леонова. *Нёман*. 2006;7:129–144.
18. Карак ПС. *Природа и нравственность*. Минск: Экоперспектива; 2013. 244 с.

References

1. Demin VN. *Russkii kosmizm vchera, segodnya, zavtra. Chast' 1. Russkii kosmos* [Russian cosmism yesterday, today, tomorrow. Part 1. Russian space]. Moscow: LENAND; 2014. 200 p. Russian.
2. Vernadskii VI. *Dnevniky: 1917–1921* [Diaries: 1917–1921]. Sorokina MYu, Kirzhaev SN, Memelov AV, Neapolitanskaya VS, compilers; Sytnik KM, Levshin BV, editors. Kyiv: Navukova dumka; 1994. 271 p. Russian.
3. Vernadskii VI. *Zhivoe veshchestvo* [Living matter]. Neapolitanskaya VS, Filippova NV, compilers. Moscow: Nauka; 1978. 358 p. Russian.
4. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 1. Bednye lyudi. Povesti i rasskazy, 1846–1847* [Complete collection of works. Volume 1. Poor people. Stories, 1846–1847]. Fridlender, editor. Leningrad: Nauka; 1972. 519 p. Russian.
5. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 2. Povesti i rasskazy, 1848–1859* [Complete collection of works. Volume 2. Stories, 1848–1859]. Leningrad: Nauka; 1972. 527 p. Russian.
6. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 8. Idiot* [Complete collection of works. Volume 8. The Idiot]. Golovanova TP, Fridlender, editors. Leningrad: Nauka; 1973. 511 p. Russian.
7. Kolas Ja. *Zbor tvoraw. Tom 1. Vershy 1898–1917* [Collection of works. Volume 1. Poems 1898–1917]. Barysenka V, Krapiva K, Mitskevich D, editors. Minsk: Mastackaja litaratura; 1972. 562 p. Belarusian.
8. Paustovskii KG. *Sobranie sochinenii. Tom 5. Povest' o zhizni: knigi chetvertaya – shestaya* [Collection of works. Volume 5. The Story of life: books fourth – sixth]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1986. 591 p. Russian.
9. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 14. Brat'ya Karamazovy. Knigi I–X* [Complete collection of works. Volume 14. The Brothers Karamazov. Books 1–10]. Kiiko EI, Fridlender GM, editors. Leningrad: Nauka; 1976. 511 p. Russian.
10. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 4. Zapiski mertvogo doma* [Complete collection of works. Volume 4. The House of the Dead]. Priima FYa, editor. Leningrad: Nauka; 1972. 326 p. Russian.
11. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 10. Besy* [Complete collection of works. Volume 10. Demons]. Bazanov VG, Golovanova TP, editors. Leningrad: Nauka; 1974. 517 p. Russian.
12. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii Tom 26. Dnevnik pisatelya. 1877 sentyabr' – dekabr'. 1880 avgust* [Complete collection of works. Volume 26. A writer's diary. 1877 September – December. 1880 August]. Budanova NF, editor. Leningrad: Nauka; 1984. 518 p. Russian.
13. Vernadskii VI. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Sokolov BS, Yaroshevskii AA, editors. Moscow: Nauka; 1989. 261 p. Russian.
14. Vernadskii VI. *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya* [The chemical structure of the biosphere of the Earth and its environment]. Yanshina FT, Zhidovinov SN, editors. Moscow: Nauka; 2001. 376 p. Russian.
15. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 5. Povesti i rasskazy 1862–1866. Igrok*. [Complete collection of works. Volume 5. Stories 1862–1866. The gambler]. Pokusaev EI, editor. Leningrad: Nauka; 1973. 407 p. Russian.
16. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 13. Podrostok* [Complete collection of works. Volume 13. The adolescent]. Kiiko EI, editor. Leningrad: Nauka; 1975. 456 p. Russian.
17. Karako PS. [«The philosophy of the forest» in the works of L. M. Leonov]. *Neman*. 2006;7:129–144. Russian.
18. Karako PS. *Priroda i nravstvennost'* [Nature and morality]. Minsk: Ekoperspektiva; 2013. 244 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2021.
Received by editorial board 12.03.2021.